В.Я. Линков, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова

"ВЕРА ЕСТЬ СИЛА ЖИЗНИ"

В статье поставлена важная проблема целостного мировоззрения, духовных исканий Л.Н. Толстого, обретения им новой веры. Автор статьи анализирует художественные и религиозно-философские произведения великого писателя, мыслителя и публициста и прежде всего его "Исповедь" (1882), являющуюся, по мысли автора исследования, "необычайно важным документом эпохи, литературы и биографии писателя". В статье убедительно показано, насколько органичным было появление толстовской "Исповеди" в русской литературе XIX в. В статье материал излагается концептуально, что позволяет по-новому осветить важные проблемы творчества Л.Н. Толстого, дает возможность дальнейшего осмысления его художественного, философского и публицистического наследия.

Ключевые слова: *вера, сила, жизнь, неверие, Лев Толстой.*

General research problems in this article are L.N. Tolstoy's complete outlook, hid spiritual searches and findings of new belief. The author of article analyzes fiction and religious-philosophical works of the great writer, thinker and publicist, and especially his "Confession" (1882), which is, according to the author of research, "extraordinary important document of an epoch, literature and biography of the writer". In this article it is convincingly shown, that occurrence of Tolstoy's "Confession" in the Russian literature of a XIXth century was very organic.

In the article the material is stated conceptually, so it analyzes the important problems of L.N. Tolstoy's works in a modern way and gives the opportunity to the further research of his art, philosophical and publicistic heritage.

Key words: *belief, power, life, unbelief, Lev Tolstoy.*

Памятная дата. ***100 лет после ухода Льва Толстого***

В полном согласии с убеждением, что назначение писателя в том, чтобы рассказать читателю о тех взглядах, которые сделали его жизнь радостной, Лев Толстой в 1880-е гг., разочаровавшись в своих жизненных идеалах, оставляет литературу и весь отдается внутренней работе поиска нового смысла жизни.

О том, как и почему его перестало удовлетворять и приносить ему радость прежнее понимание жизни и как и в чем он обрел новую веру, вернувшую ему душевное спокойствие и счастье, Толстой поведал в своей знаменитой "Исповеди". Она была закончена в 1882 г., но ее публикация в России была запрещена духовной цензурой, и впервые она была напечатана на родине автора только в 1906 г. Однако русское общество ознакомилось с новым произведением Толстого гораздо раньше, прочитав его в списках.

“Исповедь” была резко осуждена и признана вредной обоими враждующими не на жизнь, а на смерть лагерями — властью и революционерами, что со всей очевидностью обнажило их глубокое родство, состоящее в общей для них вере в насилие и ненависти к свободному слову.

Ее появление настолько органично в русской литературе XIX в., что кажется, что она не могла не появиться. Внутренняя движущая сила, направленная на поиск смысла жизни, закономерно привела к жанру, выходящему за черту, отделяющую литературу от жизни. В “Исповеди” автор говорит не о вымышленных, а о действительных событиях своей жизни, и не косвенно, через художественные образы, а прямо выражает свои сокровенные взгляды. Одновременно произведение Толстого является исповедью-покаянием, признанием в грехах.

Благодаря переплетению глубоко личного, интимного и общего “Исповедь” стала необычайно важным документом эпохи, литературы и биографии писателя. Читая ее, мы вновь проходим по ряду основных проблем русской литературы и прежде всего сталкиваемся с той, что следует признать глобальной и все остальные определяющей, — с проблемой потери веры в Бога. “*Я был крещен и воспитан в православной христианской вере. Меня учили ей и с детства, и во все время моего отрочества и юности. Но когда я 18-ти лет вышел со второго курса университета, я не верил уже ни во что из того, чему меня учили*”.

В “Исповеди” мы не находим подтверждения столь популярного в нашем обществе мифа о злокозненных нигилистах, разрушивших веру. Картина состояния религии в обществе, нарисованная Толстым, не позволяет указать на одну причину, найти одного виновника. Несомненно, вера переживала кризис и теряла своих приверженцев. Первое, еще неосознанное, сомнение породили в душе Толстого-ребенка не атеисты — Белинский, Герцен и Чернышевский, а окружающие его люди, считавшие себя православными христианами. Он вспоминает, что когда его старший брат, Дмитрий, “*предался вере и стал ходить ко всем службам, поститься, вести чистую и нравственную жизнь, то... все, и даже старшие, не переставая, поднимали его на смех...*”

Из шуток и насмешек над истинно верующим братом будущий писатель сделал “*заключение о том, что учить катехизис надо, ходить в церковь надо, но слишком серьезно всего этого принимать не следует*”.

Но не принимать веру всерьез означает — не иметь ее вовсе, поскольку ее сущность состоит в том, что она захватывает человека всего, без остатка. “*Вера — это состояние предельной заинтересованности <...> Ее содержание бесконечно важно для верующего*” [Типлих, 1995, с. 134]. Недаром Христос в “Евангелии” постоянно борется

с книжниками и фарисеями, т.е. с людьми, которые считаются и выдают себя за верующих.

Среди разных форм безбожия легкое, "не слишком серьезное" отношение — самое гибельное для веры. Оно только сохраняет видимость религии, но на самом деле превращает ее в пустую форму, лишенную содержания.

"*По жизни человека*, — пишет Толстой, — *по делам его как теперь, так и тогда никак нельзя узнать, верующий он или нет*". Для автора "Исповеди" критерий подлинной веры один — жизнь человека в согласии с вероучением. Если он даже совершает обряды и ходит в церковь, но ведет жизнь безнравственную, то не может считаться христианином.

Далекими от подлинной религиозности, с точки зрения Толстого, которую разделяют, кажется, все серьезные ученые-богословы и религиозные мыслители, является и тот разряд людей, которые стремятся сделать из религии средство для достижения каких-либо житейских целей. "*Эти люди — самые коренные неверующие, потому что если вера для них — средство для достижения каких-нибудь целей, то это уже наверно не вера*". Такими посторонними религии могут быть цели и самые низкие, лично-корыстные, и даже высокие, например улучшение нравов общества.

Из "Исповеди" видно, что Толстой потерял веру под влиянием общей атмосферы, как и большинство людей его круга. "*Сообщенное мне с детства вероучение исчезло во мне так же, как и в других...*" Вера не была разрушена кем-то и чем-то конкретным, а "исчезла".

Отпав от традиционной религии, Толстой стал жить, как и большинство образованных людей, верой в прогресс. Но она оказалась неподлинной, потому что, во-первых, провозглашая любовь к человеку, допускала смертную казнь. Когда Толстой увидел ее зрелище в Париже, то понял "*всем своим существом*", "*что никакие теории разумности существующего и прогресса не могут оправдать этого поступка...*"

А, во-вторых, теория прогресса не могла ответить на главный вопрос: каков смысл жизни, неуничтожаемый смертью?

Мировоззрение Толстого потрясла смерть его любимого старшего брата, Николая. "*Умный, добрый, серьезный человек, он заболел молодым, страдал более года и мучительно умер, не понимая, зачем он жил и еще менее понимая, зачем он умирает. Никакие теории ничего не могли ответить на эти вопросы ни мне*, — признается писатель, — *ни ему во время его медленного и мучительного умирания*". Толстой называет теорию прогресса "суеверием", так определяемым В. Далем: "*Суеверие — ошибочное, пустое, вздорное, ложное верованье во что либо*".

Хотя сомнения запали в душу Толстого, он продолжал ту же жизнь, веря, что как писатель он служит прогрессу, улучшению

жизни всего человечества. Но, начиная, видимо, с 1875 или 1876 г., с ним "*стало случаться что-то очень странное*", на него "*стали находить минуты сначала недоумения, остановки жизни*", как будто он не знал, как ему жить, что делать. "*Эти остановки жизни выражались всегда одинаковыми вопросами: Зачем? Ну, а потом?*"

Все, что составляло его жизнь и радовало его, вдруг стало представляться ничтожным и ненужным: хозяйство, семья, литература. «*Или думая о той славе, которую приобретут мне мои сочинения, я говорил себе: "Ну хорошо, ты будешь славнее Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всех писателей в мире, — ну и что ж!"*

И я ничего и ничего не мог ответить».

Толстой не знал, чего ему желать. "*Жизнь моя опостылела — какая-то непреодолимая сила влекла меня к тому, чтобы как-нибудь избавиться от нее*".

Боясь поддаться соблазну и покончить жизнь самоубийством, он перестал ходить на охоту. И с этого момента Толстой начинает искать смысл жизни, который может его спасти. Сначала он обращается к науке и убеждается, что она ничего не может ответить на его сомнения и вопросы о смысле жизни. Тогда он берется за философию, и та, по его мнению, утверждает, что жизнь есть зло и не имеет смысла. Согласно Толстому, Соломон, Сократ, Будда, Шопенгауэр единодушны в отрицании жизни. «*"Все в мире — и глупость и мудрость, и богатство и нищета, и веселье и горе — все суета и пустяки. Человек умрет, и ничего не останется. И это глупо" — говорит Соломон*».

Не найдя ничего ни в науке, ни в философии, придя к мысли, подтверждаемой всеми мудрецами прошлого и настоящего, что жизнь есть зло, и потому "*надо избавиться от нее*", Толстой, однако, испытывал сомнения в истинности своего вывода. Он "*чувствовал, что тут что-то неладное*". Ему пришла в голову мысль: жизнь есть зло, но как же жили и живут миллионы людей? И здесь Толстой сделал важное для себя открытие — помимо науки и философии есть особая область знания, порожденная, как и наука и философия, способностью человеческого духа, тоже особой.

Он понял, что и другим людям, и ему "*смысл жизни и возможность жизни давала вера*". В истории человечества было немало народов, не имевших ни науки, ни философии, но не было ни одного, у которого не было бы веры, религии. Это говорит о том, что религия есть самое необходимое условие жизни человечества. "*Я начинал понимать, — пишет Толстой, — что в ответах, даваемых верою, хранится глубочайшая мудрость человечества, и что я не имел права отрицать их на основании разума, и что главное, ответы эти одни отвечают на вопросы жизни*".

Толстой понял глубокий смысл веры, ее назначение и дал ее определение: "*...вера есть знание смысла человеческой жизни, вслед-*

ствие которого человек не уничтожает себя, а живет. Вера есть сила жизни. Если человек живет, то он во что-нибудь да верит". Это определение общее, включающее в себя все, что делает для человека жизнь желанной, когда "*он во что-нибудь да верит*".

Но среди множества человеческих вер есть подлинные и неподлинные. Люди постоянно разочаровывались в вере в конечное, в чем бы оно ни заключалось: будь то богатство, слава, общественная польза, жизненные удовольствия и т.д. Подлинная вера, по мнению Толстого, к которой он причисляет все традиционные религии, "*конечному существованию человека придает смысл бесконечного, смысл, не уничтожаемый страданиями, лишениями и смертью*".

Но признав за религией глубокую мудрость, которая единственная объясняет человеческую жизнь и придает ей смысл, Толстой все же не обрел душевного равновесия и возможности продолжать жизнь. Он изучает различные религии по книгам и "по живым людям, окружавшим" его. Общаясь с образованными верующими людьми, Толстой обнаружил, "*что то, что выдавали они за веру, было не объяснение, а затемнение смысла жизни*". Они не жили по провозглашенной ими истине и "*боялись лишений, страданий, смерти*" так же, как и он, и, следовательно, не было у них никакой веры, и научить они его ничему не могли.

А вот "*вся жизнь верующих и трудящихся была подтверждением того смысла жизни, который давала им вера*", и Толстой увидел, что "*эти люди живут, страдают и приближаются к смерти, со спокойствием, чаще всего с радостью*". И вот тогда с Толстым, по его словам, "*случился переворот*". "*Со мной случилось то, что жизнь нашего круга — богатых, ученых — не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл. Все наши действия, рассуждения, наука, искусства — все это предстало мне как баловство. Я понял, что искать смысла в этом нельзя. Действия же трудящегося народа, творящего жизнь, представились мне единым настоящим делом. И я понял, что смысл, придаваемый этой жизни, есть истина, и я принял его*".

Здесь, с этого момента, строгая последовательность изложения "Исповеди" нарушается, и ясность мысли покидает Толстого.

После происшедшего переворота, когда он нашел истину, мрачные мысли о самоубийстве, однако, не оставили его. Ему понадобился второй переворот, и неясно, в каком отношении, временно́м и смысловом, он находится к первому.

Уже признав, что истина, в согласии с которой живет народ, спасительна, он продолжал искать Бога. И не обретал его. "*И чем больше я молился, тем очевиднее мне было, что он не слышит меня, и что нет никого такого, к которому бы можно было обращаться*".

Спасение пришло к Толстому внезапно, в результате озарения. Однажды он в очередной раз шел по кругу бесконечных мыслей о Боге и вдруг заметил, что когда он думает о Нем, ему радостно и легко, а когда сомневается и не верит, все начинает "*умирать во-*

круг" него и в нем. И Толстой сказал себе: "*стоит мне знать о Боге, и я живу; стоит забыть, не верить в него, и я умираю*". "*Так чего же я ищу еще? — воскрикнул во мне голос. — Так вот он. Он — то, без чего нельзя жить. Знать Бога и жить — одно и то же. Бог есть жизнь. <...> И сильнее, чем когда-нибудь все осветилось во мне и вокруг меня, и свет уже не покидал меня.*

И я спасся от самоубийства".

Признание веры и жизни народа оказалось недостаточным для обретения Толстым истины, придающей смысл его существованию. У простых людей, занятых физическим трудом, он нашел единство веры и жизни. Он делает, как ему кажется, открытие, "*что знание истины можно найти только жизнью*", хотя уже в "Войне и мире" мысль эта выражена прямо и неоднократно. Богатые и ученые люди, ведущие паразитический образ жизни, не могут постичь ее действительный смысл.

Благодаря общению с народом Толстой понял, что "*истину закрыло от него не столько заблуждение мысли, сколько сама жизнь... в тех исключительных условиях эпикурейства, удовлетворения похотям, в которых*" он "*провел ее*". Истинный смысл жизни знают только те люди, которые "*добывают жизнь, несут ее на себе*". Трудящийся народ, творящий жизнь, — обладатель истины, потому что только он занят "*единым настоящим делом*".

Понятна любовь Толстого к народу, сочувствие к нему, его презрение к богатым; можно принять и как личную, нравственную позицию предпочтения физического труда всем другим видам человеческой деятельности. Но как теория организации всей человеческой жизни, дающая решение всех проблем современности, на что она, по сути, претендовала, толстовская социальная философия поражает своей несостоятельностью. Картина ее осуществления, кажется, ничего, кроме тоски, ужаса и скуки, вызвать не может. Видимо, избавившись от ученых паразитов, люди будут жить в пещерах и норах, поскольку сделать даже железный топор с помощью одного физического труда невозможно, как и колесо, которое надо сначала изобрести. Очевидно, в их поселениях не будет ни школ, ни больниц, ни церквей. Ведь в разряд паразитов у Толстого попали и священники, и учителя, и врачи.

Сразу же, как только "Исповедь" стала известна русскому читателю в списках, на нее откликнулся И.С. Тургенев в письме Д.В. Григоровичу. "*Прочел ее с великим интересом: вещь замечательная по искренности, правдивости и силе убеждения. Но построена она вся на неверных посылках — и в конце концов приводит к самому мрачному отрицанию всякой живой жизни... Это тоже своего рода нигилизм... И все-таки Толстой едва ли не самый замечательный человек современной России!*"[1].

[1] *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. Т. 13. М., 1968. С. 89.

Мысль Толстого совершает траекторию, подобную той, что проделала и мысль авторов других универсальных проектов устройства счастья всего человечества. Стремясь защитить жизнь человека от духовного опустошения из-за сведения ее "*к удовлетворению похотям*", автор "Исповеди" пришел к "*отрицанию живой жизни*".

Какой роковой изъян поражал мысль даже великих людей XIX в., когда они пытались создать учение счастливой жизни всего человечества? Может быть, здесь сказывался грех классово-сословного мышления? К. Маркс идеализировал пролетариат, лишенный каких-либо сословных недостатков и призванный установить царство Божие на земле, разрешив все проблемы и сняв все противоречия.

Толстой заверяет, что идеальный образ жизни не надо искать и создавать, он уже осуществлен на деле русским крестьянством, его следует только принять всему человечеству. Автора "Войны и мира" можно назвать специалистом по критике теоретического мышления, и тем удивительнее его собственные просчеты, когда он создает свое учение.

Самое убедительное опровержение тезиса, что крестьянин знает истинный смысл жизни в силу своего социального положения, так сказать, неизбежно и обязательно, мы находим у самого Толстого. В конкретных случаях жизни, когда он не создавал свою теорию и был свободен от ее влияния, он писал о крестьянах нечто, совершенно противоречащее, по существу полностью ее отрицающее.

Приведу несколько дневниковых записей Толстого:

14 ноября. Ясная Поляна. 89. "*Как у нас впереди идеалы высокие, а жизнь подлая, и у народа жизнь высокая, а идеалы подлые*"[2]. "*Подлые идеалы*" — так оценивает сам Толстой понимание смысла жизни народом.

19 сентября. Ясная Поляна. 90. "*Как недоступны учению истины мужики. Так полны они своими интересами и привычками*"[3].

5 августа. 95. Ясная Поляна. "*12) Застала меня буря в Колпне. Я просидел у мужиков. Они богатые и ужинали: картошки, хлеб, огурцы было особенное угощение. Рахитические дети, измученные работой члены, без постели, мухи, нечистота. И ужаснее всего безнадежность душевного спасения. Не верят в будущую жизнь, не верят в возможность жить по Христу*"[4].

Замечательная картина того, как жизнь в прах разбивает теорию. На деле оказывается, что трудовая жизнь совсем необязательно приводит человека к Богу. Разумеется, справедливо будет возражение, что ведь не все же мужики были так безнадежны, как колпненские хозяева, приютившие Толстого. Вот именно, что не все, но это "не все" и опровергает теорию.

---

[2] *Толстой Л.Н.* Юб. изд. Т. 50. С. 179.

[3] *Толстой Л.Н.* Юб. изд. Т. 51. С. 89.

[4] *Толстой Л.Н.* Юб. изд. Т. 53. С. 50.

Но Толстой никогда не был чистым теоретиком и всегда стремился привести свою жизнь в согласие со своими взглядами. Пережив кризис, он меняет образ жизни, "*опрощается*"; признав веру народа за истину, начинает ходить в церковь, строго исполнять все обряды. Но постепенно его стали одолевать сомнения, многое и в обрядах, и в вероучении представлялось непонятным и даже бессмысленным, но так дорога была ему вера, дававшая возможность жизни, что Толстой "*бессознательно скрывал от себя противоречия и неясности вероучения*". "*Исполняя обряды церкви*", он "*смирял свой разум и подчинял себя тому преданию, которое имело все человечество*".

Толстой ясно понимал, что разум ограничен в своих возможностях, и у человечества есть глубокая мудрость, которую нельзя отрицать на основе разума, что, однако, не означает отказа от разума, который приведет к невозможности отличать истину от лжи, мудрость от глупости, неправду от правды.

Толстой принимает то, что недоступно разуму, но отвергает все, что ему противоречит. "*Всякое необъяснимое положение*" должно представляться, по его мнению, "*как необходимость разума же*", "*чтобы все то, что необъяснимо, было таково не потому, что требования... ума неправильны (они правильны, и вне их я ничего понять не могу), но потому что*" у разума есть пределы.

Опираясь на положение, что в религии необходимо отличать то, что недоступно, от того, что противоречит разуму, Толстой пришел к выводу, что в учении есть истина несомненно, "*но несомненно и то, что в ней есть ложь*", и надо "*найти истину и ложь, и отделить одно от другого*".

Он, по существу, не принял обрядовую сторону религии. Но все же главной причиной его отпадения от Церкви и основным предметом критики стало отношение христианских церквей друг к другу и к войне.

Толстой общался с людьми разных религиозных учений и среди католиков, протестантов, старообрядцев, молокан встречал много "*людей нравственно высоких и истинно верующих*". "*Я желал*, — пишет он, — *быть братом этих людей. И что же? То учение, которое обещало мне соединить всех единою верою и любовью, это самое учение в лице своих лучших представителей сказало мне, что это все люди, находящиеся во лжи, что то, что дает им силу жизни, есть искушение дьявола и что мы одни в обладании единой возможной истины*".

Толстой считал, "*что утверждение о том, что ты во лжи, а я в истине, есть самое жестокое слово, которое может сказать один человек другому...*" Таким образом, вероучение, должное объединять людей в любви, "*разрушает то, что оно должно произвести*".

По мнению Толстого, для человека, жившего в разных странах и знающего "*презрительное, самоуверенное, непоколебимое отрицание, с которым относится католик к православному и протестанту, православный к католику и протестанту и протестант к обоим*", очевидна неправда всякой конфессии или секты, объявляющей только себя в истине, а всех других во лжи. Он считал неоспоримо истинным и совершенно неопровержимым то, "*что если два утверждения друг друга отрицают, то ни в том, ни в другом нет той единой истины, какою должна быть вера*".

И уж никак не мог Толстой, убежденный противник насилия, принять одобрение христианскими церквями войны, которое невозможно совместить с Христовой проповедью братской любви между людьми. Таковы основные разногласия великого писателя с традиционной христианской религией, заставившие его отказаться от церковной веры.

Как уже было сказано нами в начале раздела, две противоборствующие силы — официальная власть и революционеры — признали "Исповедь" вредной книгой. В наше время для очень многих, особенно в близких к Церкви кругах, она остается таковой, хотя за сто с лишним лет, прошедших со дня появления этой работы Толстого, многое в мире изменилось. И давно уже в цивилизованном обществе перестали оценивать произведения литературы, философии и науки как вредные. Кажется, всем стало ясно, что не бывает вредных книг, а есть плохие и хорошие, талантливые и бездарные. Истине не страшна никакая критика. Ницше признан одним из самых радикальных критиков христианства. Но все крупные теологи XX в. изучают его, а не проклинают, и благодарны философу за его мысли, возражая и споря с которыми, они углубляют понимание Христа и его учения.

Известный русский богослов, последний обер-прокурор Синода, А.В. Карташев, высказал немало критических слов о религиозных взглядах Толстого, но и отдал ему должное: «Но хорошо ли, худо Толстой проповедует Христово учение — его служение в этом направлении громадно. В наш век эмансипации от положительных религий он является проповедником новой и свободной отданности Евангелию Иисуса. По смелому почину Толстого слова "Бог" и "Христос" перестали быть запретными для русского интеллигента, а отчасти и в целом мире» [Карташев, 2009, с. 288].

Список литературы

Карташев А. Толстой, как богослов // Из истории русской литературы и журналистики. Ежегодник. М., 2009.

Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М., 1995.

Поступила в редакцию
18.05.2010